

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

I. Научная речь — выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. Суть науки — в построении или, точнее, в устройении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин — это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука — система терминов. Поэтому жизнь терминов и есть история науки, все равно какой, естествознания ли, юриспруденции или математики. Изучить историю науки — это значит изучить историю терминологии, т. е. историю овладения умом подлежащего ему предмета знания. Не ищите в науке ничего, кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки, как таковой, сводится, "именно к терминам в их связях, которые (связи) первично даются определениями терминов...

Технические выражения и обобщающие формулы, словесные или символические, например алгебраические,— такова первая пара соответственно связанных и взаимно превращаемых ступеней на пути мысли. Всякое техническое наименование, в какой угодно области знания, вводится определением, а это последнее предполагает за собою некоторое экзистенциальное суждение — суждение о существовании того комплекса признаков, который связывается воедино выставляемым определением; это экзистенциальное суждение или эта экзистенциальная интуиция свидетельствует о возможности этого комплекса — возможности внутренней, отнюдь не формально-логической, но связанной со всем строением данной области познаваемого, возможности, приемлемой всеми закономерностями этой области, а кроме того, утверждает устойчивость, т. е. пребываемость, обсуждаемого комплекса, его внутреннюю организованность, внутреннюю связность и единство. Если определение лишено экзистенциальности, так понимаемой, то оно есть лишь пустое притязание, видимость слова, но не слово, ибо мыслится только в качестве звука, сопровождаемого случайными ассоциациями, но не как определенное содержание мысли, и потому беспредметное,— и ускользает от нее, расплываясь на отдельные элементы слова, лишь только мысль подходит к такому определению или к равносильному ему определяемому им техническому выражению вплотную. Иными словами, всякое техническое выражение, действительно нужное мысли, а не представляющее собою тормозящего речь варваризма, непременно предполагает и новое усмотрение мыслию внутренней связности того, к чему это выражение относится,— значит, служит синтезу многих слов, которыми могла бы быть описана вновь найденная связность. Подлинное техническое выражение, имеющее залог жизненности и надеющееся пережить "завистливую даль" если не "веков", то хотя бы годов, творится духом вместе с подъемом мысли на вершину, пусть невысокую, но во всяком случае господствующую над окружающею местностью в процессе подъема. Оно непременно есть некоторая остановка мысли, в смысле вышеразъясненном, и его следует оценивать именно как таковую. Если же создающий его стоит лишь на склоне горы, остановившись не ритмически,— от усталости, но вовсе не потому, что он достиг относительного максимума высоты, хотя бы и небольшой, то техническое выражение, по самому существу дела, не есть устойчивое создание слова и распадается, лишь только мысль тронется далее, и, кроме того, насквозь субъективно, не соответствуя никакому естественному расчленению реальности, никакому естественному ритму диалектического хода. Таким образом, техническое выражение действительно свивает в себе некоторое сжатое описание реальности, той или другой,— ибо и математические сущности — тоже своеобразная реальность,— а обобщающая формула,— тоже, конечно, описание,— она проразривает, развивает, распускает означенное техническое выражение...

VIII. Уже низшая область таких выражений, номенклатура, под каковою, по В. Уэвеллю, надо в классификаторных науках разуметь "совокупность названий видов", дает нам прочеканенные и пройденные резцом слова повседневного языка; непосвященному в классификаторную систему той или иной области бытия такая совокупность названий представляется легким сочинительством несносного педантизма, тогда как, на самом деле, каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего взглядывания, на познание тесно сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка. Такое название есть сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине. Систематика химии, минералогии, ботаники, зоологии и в меньшей степени других наук есть сгущенный опыт многосотлетней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное...

Лотце указывает, что голое восприятие предмета не удовлетворяет нас, и нам требуется ввести предмет в систему нашей мысли, а для этого необходимо наименовать его. "Имя свидетельствует нам, что внимание многих других покоилось уже на встреченном нами предмете, оно ручается

нам за то, что общий разум, по крайней мере, пытался уже и этому предмету назначить определенное место в единстве более обширного целого. Если имя и не дает ничего нового, никаких частных предметов, то оно удовлетворяет человеческому стремлению постигать объективное значение вещей, оно представляет незнакомое нам чем-то небезызвестным общему мышлению человечества, но давно уже поставленным на свое место". Поэтому назвать — это вовсе не значит условиться по поводу данного восприятия издавать некоторый произвольно избранный звук, но, "примыкая,— по изречению Вильгельма Гумбольдта,— своей мыслью к мысли общечеловеческой", дать слово, в котором общечеловеческая мысль, обратившись, усмотрела бы законную, то есть внутренне обязательную для себя, связь внешнего выражения и внутреннего содержания, или, иначе говоря, признало бы в новом имени — символ. Символичность слова,— в чем бы она ни заключалась,— требует вживания в именуемое, медитации над ним и, говоря предельно,— мистического постижения его. Иначе созданное слово, как плева, будет отваяно временем и унесено в сторону от житницы человеческой культуры. "Произвольно данное нами имя не есть имя,— говорит тот же Лотце,— недостаточно назвать вещь, как попало: она действительно должна так называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мир общепризнанного и познанного, и, как прочное определение вещи, должно ненарушимо противостоять личному произволу"... Вернемся к обсуждаемому нами синтетическому слову, на следующей после углубленных имен его ступени. Эта последующая ступень есть термин, когда оно берется в свернутом виде, и закон, формула закона, когда синтетическое слово взято развернутым.

IX. "Я называю терминологией систему терминов, употребляемых при описании предметов естественной истории",— говорит Уэвелль. Терминология — это орудие, посредством которого делается точное наименование. "...Кто только возьмется за изучение какого-нибудь отдела науки,— продолжает тот же историк науки,— тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твердых правил не может быть надежного или прогрессивного знания. Неопределенный и детский смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твердою точностью, необходимою при научном исследовании, и возводит их от одной ступени обобщения к другой. Для этой цели может служить только крепкий механизм научной фразеологии. Необходимость в ней чувствовалась в каждой науке с самых ранних периодов ее прогресса". А в другой своей работе, подводя итоги своим наблюдениям над жизнью Науки, Уэвелль так свидетельствует о существовании в Науке терминов: "Почти каждый успех науки ознаменован новообразованием или усвоением технического выражения. Обиходный язык имеет, в большинстве случаев, известную степень вялости или двусмысленности, подобно тому, как ходячее знание (*common knowledge*) обычно заключает в себе нечто расплывчатое и неопределенное. Это знание имеет дело обычно не с одним только разумом, но обращение более или менее к какой-либо заинтересованности или возбуждает фантазию; на службе такому знанию и обиходный язык всегда содержит, следовательно, окраску заинтересованности или воображения. Однако, по мере того как наше познание становится вполне точным и чисто разумным, мы требуем также точного и разумного языка, который равномерно исключал бы неясность и фантастику, несовершенство и излишество,— такого языка, каждое слово коего должно сообщать твердую и строго ограниченную мысль. Таковой язык — язык науки — возникает через пользование техническими выражениями... Прогресс в использовании технического научного языка представляет нашему наблюдению два различных, следующих друг за другом периода; в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; напротив, во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением, со вниманием к связности, с видами на установление системы. Попутное и систематическое образование технических выражений хотя и не могут быть разделены определенной датой (ибо несистематически во все времена отдельные слова бывали образуемы в отдельных науках), однако мы не можем один период назвать античным, а другой — новым". Далее обильными примерами из истории наук Уэвелль подтверждает свой тезис. Но термин, как выяснено было ранее, по общему свойству языка должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым. Это последнее есть определение термина, но не "вербальное", каковое никакого термина создать неспособно, ибо не производит синтеза, а определение реальное, которое Уэвелль называет "объяснением понятий — *explication of conceptions*". Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится. Многие из тех споров, которые имели важное значение для процесса образования современной науки, по замечанию Уэвелля, "принимали вид борьбы из-за определений. Так, исследование законов падения тел привело к вопросу о том, которое из определений постоянной силы правильно: то ли согласно которому она порождает скорость, пропорциональную пространству, или же то, по которому эта скорость пропорциональна времени. Спор о *vis viva* (живой силе) свелся к вопросу о правильном определении меры силы. Основным вопросом в классификации минералов является вопрос об определении минерального вида (*fspecies*). Физиологи старались осветить свой предмет определением организации или того или другого сходного с этим термина". Подобного же рода вопросы долго были открыты (да и до сих пор еще не вполне решены) относительно

определений "удельной теплоты", "скрытой теплоты", "химического средства" [...] и "растворения" [...]. "Для нас очень важно отметить,— продолжает Уэвелль,— что эти споры никогда не представляли собою вопросов об отдельных и произвольных определениях, как это, по-видимому, часто думали. Во всех этих случаях безмолвно признавалось некоторое предложение, которое должно было быть выражено при помощи определения и которое придавало этому последнему его значение. Поэтому спор об определении приобретал реальное значение и становился вопросом об истинности и ложности... Таким образом, установление правильного определения того или другого термина может быть полезною ступенью при выяснении наших понятий, однако только в том случае, если мы рассматриваем какое-либо предложение, в котором имеет место этот термин. Тогда действительно является вопрос о том, как надо понимать *ut* определять это понятие, для того чтобы это предложение было истинным. Раскрытие наших понятий при помощи определения оказывалось полезным для науки только тогда, когда оно было связано с немедленным применением этих определений... Определение представляет, быть может, лучший способ разъяснения понятия; но понятие становится стоящим какого бы то ни было вообще определения только вследствие его пригодности для выражения той или другой истины. Когда определение предлагается нам в качестве полезной ступени знания, мы всегда имеем право спросить, для установления какого принципа оно будет служить. Поэтому "определить — значит отчасти открыть. Для того чтобы определить так, чтобы наше определение имело научную цену, требуется немало той проницательности, при помощи которой открывается истина... Чтобы вполне выяснилось, каково должно быть наше определение, нам следует хорошо знать, какую именно истину надо нам установить. Определение, как и научное открытие, предполагает уже сделанным некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последнюю ступенью в прогрессе знания,— и по крайней мере, что касается такого именно места определения, то как история знания, так и опирающаяся на нее философия науки подтверждают их теоретические соображения". Таковы некоторые из мыслей Уэвелля относительно взаимопревращаемости термина и закона и существенной значимости термина в истории науки. К этим мыслям вполне примыкает, распространяя и восполняя, хотя при этом и обесцвечивая их и лишая их остроты, Джон Стюарт Милль, современник Уэвелля. Но через полвека мы встречаем те же мысли, и притом возникшие, по-видимому, самостоятельно, на почве исследования методологии знания, у Анри Пуанкаре, одного из наиболее талантливых и широко мыслящих ученых конца XIX и начала XX века. Первый шаг в научном творчестве, по Пуанкаре,— "искание особой красоты, основанное на чувстве гармонии". Оно наводит ищущего на гипотезу, угадываемую интуитивно, но еще не оправданную. "Всякое обобщение есть уже гипотеза", т. е. в смысле неоправданности логической. Пригодность гипотезы должна быть обследована, а для этого гипотеза раскрывается в своих последствиях в теорию соответствующего круга явлений и в этом виде подлежит дискурсивному над нею творчеству. Одною из важнейших функций дискурсивного творчества Пуанкаре признает созидание научного языка. "Трудно поверить, как много может одно хорошо выбранное слово "экономизировать мысль", выражаясь словами Маха". Например, физики "изобрели слово "энергия", и это слово оказалось необычайно плодотворным, ибо оно творило закон, элиминируя исключения, ибо оно давало одно и то же имя различным по содержанию и сходным по форме вещам". "Математика и есть искусство называть одним и тем же именем различные вещи... Надо только, чтобы эти вещи, различные по содержанию, сблизались по форме..." И, подводя итоги: "...вся творческая деятельность ученого, по отношению к факту, исчерпывается речью, которую он его выражает".

X. Нет надобности далее настаивать на существенном участии термина в истории мысли: полагаю, что и сказанным достаточно установлена зиждущая и скрепляющая сила в развитии мысли — термино-творчества. Но пора вдуматься более внимательно в самую природу термина. И, прежде всего, что есть термин этимологически и семасиологически? *Terminus*, или *terminis* или *terminis*, происходят от корня *ter*, означающего: "перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону". Итак, *terminus* — граница. Первоначально эта граница мыслилась как вещественно намеченная, и потому вышеозначенное гнездо слов означало пограничный столб, пограничный камень, пограничный знак вообще. В греческом языке слову "термин" как в философии, так и в более широком пользовании соответствует слово *horos* * (границы, пределы), а также слово *horismos* ** (определение, ограничение) от *For Fos*, что собственно значит: борозда, а затем граница. Как и во всех древних терминах философии, в самом термине "термин" без труда осязается первичный сакраментальный смысл, и это священное первоначение не случайность в плоскости философской, но, напротив, как это постоянно наблюдаем в истории философской терминологии, философская терминологическая чеканка общеупотребительного слова проявляет в слове его первичный слой, заволоченный более поздними односторонними его произрастаниями, законно, но, обедняяще, расчленяющими первоначальную слитную полноту и метафизичность слова...

XI. В философию слова *terminus* или равносильное ему *oros* и *horismos* попадают именно из религии, и притом с сохранением первоначального смысла. "Определение (по-гречески) называется *horismos* от метафоры с земельными границами,— удостоверяет св. Иоанн

Дамаскин.— Как граница отделяет собственность каждого человека от собственности другого, так и определение отделяет природу каждой вещи от природы другой". Дамаскин устанавливает также некоторую разницу смысла слова *horos* и производного от него *horismos*: "Название "определение" (*horismos*) отличается от названия "термин" (*horos*) тем, что первое уже, а второе шире. В самом деле "термин" (*horos*) обозначает и земельную границу, и решение (например, когда говорим *orisen basilevs /царь решил/*)- Точно так же он означает то, на что разлагается посылка (как мы это с Божьей помощью узнаем потом). Обозначает оно и определение; определение же означает только краткую речь, выражающую природу подлежащей вещи". Иначе говоря, слово *horos* действительно значит: и земельная граница, и определение, и термин, и решение или постановление; но, кроме того, изменением суффикса произведено и более специальное слово — *horismos* для обозначения определения. Но собственно слово *horos*, имея все эти смыслы, имеет их не порознь, исключаящими друг друга, но вместе, с переливом блеска то туда, то сюда, смотря по общему смыслу речи. Наша же привычка понимать слово раздробительно ведет при толковании произведений древности ко многим лишним спорам. Вспомним многочисленные пререкания по поводу так называемых "определений" Евклида. Однако стоило Симону в своем переводе евклидовских "Начал" передать слово *horos* через более общее "отграничения" — и повод к спорам был устранен. Дело объясняется просто: по мнению Ламберта, "то, что Евклид предпосылает в таком изобилии определения, есть нечто вроде номенклатуры. Он, собственно говоря, поступает так, как поступает, например, часовщик или другой ремесленник, начиная знакомить учеников с названием орудий своего мастерства". С таким пониманием *horos* — определений, как терминологических установок, согласен и Цейтен. То же говорит и вышеупомянутый Симон. Амальди, со ссылкой на вышеназванных, со своей стороны заявляет: "...мы слишком много занимаемся учеными толкованиями (определений Евклида—77. Ф.), из которых ни одно прямо не исключает все остальные, потому что каждое из них, по-видимому, отражает мысль Евклида с особой стороны. Лишь исходя из предвзятой идеи, нуждающейся еще в дальнейших прояснениях, мы склонны отождествлять роль *horos* в геометрической системе Евклида с задачей, которая в нашу теперешнюю, преимущественно критическую эпоху возлагается на определения в математике вообще, в частности в геометрии. Позволительно, по-видимому, думать, что Евклид своими *oro* имел в виду просто дать геометрическую номенклатуру, чтобы затем в постулатах (*aitemata* * (* — постулат, требование)) и "общих идеях" (*koinai ennoia*, общепринятые идеи, аксиомы) формулировать свойства основных образований, долженствующие быть непосредственно примененными в последующих рассуждениях".

На языке более позднем в значении слова *terminus* основным продолжает быть момент определенности, хотя значение дифференцируется. По объяснению Дю-Канжа, *terminus* значит: 1) область, описанная своими границами и пределами, т. е. самое содержание границы, 2) *definitio*, *horos*, постановление, в смысле соборных постановлений; тут *terminus* и *horos* в языках латинском и греческом в точности передают друг друга, 3) назначенное время, установленный день, 4) праздничный день.

Собственно философское пользование словом "термин" введено преимущественно Аристотелем. "Термином" *horos*, *terminus* суждения у него называются подлежащее и сказуемое суждения — логический субъект и логический предикат. Понятно, почему это так: подлежащее и сказуемое суждения ведь определяют собою размах мысли, тот, который допускается и предполагается актом суждения. Из беспредельной возможности в неопределенных блужданиях мысль, актом суждения, самоограничивается, сжимается, заключает себя в амплитуду подлежащего — сказуемого.

Ибо подлежащее есть то, на чем говорящий желает сосредоточить внимание, а сказуемое — то, что именно должно открыть внимание в предмете своем. Между тем, о чем мы говорим, и тем, что мы говорим, содержится весь простор мысли, т. е. оттенков и ограничений дальнейших, выражаемых обстоятельствами. А так как, далее, логическое сказуемое и логическое подлежащее могут быть сложными, то каждая из составных частей их сама может получить наименование термина. Так пользуются словом "термин" философы. По Геккелю, называвшему себя Гоклением, *terminus* есть "*oratio rei essentiam significans* — речение, обозначающее сущность вещи". По Гутберлету. "речение (*sprachlicher Ausdruck*) содержит понятия посредством слова. Поскольку это последнее в человеческом пользовании взаимно отграничивает понятия и таким образом намечает границу как пограничный знак, оно называется в философском словоупотреблении термином". По Гефлеру, научные термины суть "слова, значение коих — понятия".

XII. Итак, в приложении к философской и научной речи понятно словоупотребление: термин, *terminus*, *horos*. Это какие-то границы, какие-то межмысли.